

Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98).
Political Linguistics. 2023. No 2 (98).

УДК 811.111'42^811/111'38
ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55
doi: 10.26170/1999-2629_2023_02_07

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.6; 5.9.8

Виктория Игоревна Космодемьянская^{1✉}, Мария Валерьевна Лисенко^{2✉}, Анна Анатольевна Радюшкина^{3✉}

^{1,2,3} Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ kosmoviktoria@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4292-1540>

² marialisenko@yandex.ru[✉]

³ galey-a-2001@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5328-3786>

Коммуникативная стратегия уклонения от прямого ответа как форма непрямого общения в американском дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются характеристики речевого взаимодействия в рамках политического дискурса на примере диалога между американским журналистом и представителем политических кругов США, в частности, анализируются особенности реализации стратегии уклонения от прямого ответа. Данная стратегия характеризуется отсутствием кооперативной направленности и представляет собой полный или частичный отказ от предоставления запрашиваемой информации.

Анализ примера выявляет ведущие тактики реализации данной стратегии: повторение сказанного и затягивание ответа, часто реализуемые одновременно и являющиеся сквозными. Повтор представлен воспроизведением тезисов собственного выступления с парафразом или без; повтором слов собеседника и собственных слов в рамках одного речевого хода. Выявлены и некоторые другие тактики, характерные для скрыто некооперативного политического дискурса: обращение к предшествующему опыту, тактика положительной самопрезентации, отсылка к авторитету в сочетании с тактикой сближения, а также тактики, явно нарушающие кооперацию: тактика пассивной агрессии, отсылка к авторитету в сочетании с тактикой скрытого обвинения, тактика насмешки, тактика размывания и смены фокуса, тактика уступки в сочетании с тактикой дистанцирования.

Политический дискурс институционален, т. е. определяется социальными ролями участников. Роль политика не позволяет отказать в ответе, прервать неудобное общение и вынуждает демонстрировать дружелюбие и готовность к кооперативному взаимодействию. Речевой вклад говорящих разнонаправлен (адресант хочет получить информацию, адресат не хочет ее предоставлять). Не в состоянии скрыть конфликт, представитель власти пытается придать своему дискурсивному поведению форму кооперативного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, язык СМИ, языковые средства, американские СМИ, политические деятели, журналисты, коммуникативные стратегии, речевые жанры, некооперативная реактивная интенциональность, непрямо общение, речевые тактики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Космодемьянская Виктория Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: kosmoviktoria@gmail.com.

Лисенко Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: marialisenko@yandex.ru.

Радюшкина Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: galey-a-2001@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Космодемьянская, В. И. Коммуникативная стратегия уклонения от прямого ответа как форма непрямого общения в американском дискурсе / В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко, А. А. Радюшкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 63-69. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_07.

Viktoriya I. Kosmodem'yanskaya^{1✉}, Maria V. Lisenko^{2✉}, Anna A. Radyushkina^{3✉}

^{1,2,3} Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

¹ kosmoviktoria@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4292-1540>

² marialisenko@yandex.ru[✉]

³ galey-a-2001@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5328-3786>

A Communication Strategy Aimed to Avoid Giving a Direct Answer: A Form of Indirect Communication in American Political Discourse

ABSTRACT. The article deals with the specific features of verbal interaction within political discourse on the example of a dialogue between an American journalist and an official representative of the US higher political circles. In particular, it analyzes the specificity of the strategy of avoiding giving a direct answer to a question. This strategy is characterized by the absence of cooperation and appears to be a complete or partial refusal from giving the required information.

© Космодемьянская В. И., Лисенко М. В., Радюшкина А. А., 2023

The verbal interaction analysis features two main tactics employed to realize the strategy in question: repetition tactics and the tactics of postponing the answer. These two tactics can be used simultaneously and may last through the whole dialogue. The repetition tactics can be nothing but reproducing the main points of one's own speech with or without paraphrasing them, or by repeating one's own words or the opponent's words within one speech act. The article also describes some other tactics of concealing non-cooperative behavior in political discourse: referring to previous experience, positive self-representation, referring to an authority. Besides, the article deals with the tactics typical of openly non-cooperative behavior: passive aggression, referring to an authority combined with disguised accusation, mockery, focus shifting, and concession tactics combined with distancing.

Political discourse is institutionalized, which means that it is characterized by the participants' social roles. The role of a politician does not allow the speaker to refuse from answering the question or to interrupt the uncomfortable communication, but on the contrary, the speaker is forced to demonstrate friendliness and cooperation. The verbal contribution of the participants characterized by the opposite direction (one of them wants information, while the other does not want to give it). Being unable to conceal the conflict of interests, the official representative makes their non-cooperative behavior appear cooperative.

KEYWORDS: *political discourse, journalism, media linguistics, media discourse, media texts, mass media, mass media language, language means, American media, politicians, journalists, communication strategies, speech genres, noncooperative reactive intentionality, indirect communication, speech tactics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kosmodem'yanskaya Viktoriya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and linguoculturology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.*

Lisenko Maria Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and linguoculturology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Radyushkina Anna Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and linguoculturology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: *Kosmodem'yanskaya V. I., Lisenko M. V., Radyushkina A. A. (2023). A Communication Strategy Aimed to Avoid Giving a Direct Answer: A Form of Indirect Communication in American Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (98), pp. 63-69. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_07.*

Дискурсивное взаимодействие как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 137], представляет собой «речевую деятельность, связанную с некоторой лингвистической областью и определенным образом структурированную» [Helgorsky 1982: 22], «всякий процесс говорения, включающий в свои структуры говорящего и слушающего, а также желание первого воздействовать на второго» [Kristeva 1981: 17]. Указанные черты наглядно присутствуют в политическом дискурсе, где язык как средство «коллективной координации поведения» [Выготский 1982: 95] используется коммуникантами с целью воздействовать на сознание электората, своих единомышленников и политических соперников, привить им необходимые представления о мире и ориентировать их на необходимые говорящему поступки. Иначе говоря, дискурсивный подход к политической коммуникации обнаруживает осуществляемую в ней концептуализацию мира [Михалева 2009: 7].

Область политического взаимодействия на сегодняшний день представляет актуальный интерес для лингвистики, особенно с точки зрения коммуникативных стратегий, тактик и других речевых приемов, используемых политиками в процессе коммуникации, поскольку они напрямую влияют на успешность или неуспешность коммуникации в целом. Нельзя отрицать очевидную связь языка и политики, поскольку, как отмечает Е. И. Шейгал, «ни один политический режим

не может существовать без коммуникации» [Шейгал 2004: 27], а сама речь является «политически нагруженной» [Cosseriu 1987]. Основной целью политического дискурса является борьба за власть, а основная цель коммуникантов в политическом дискурсе состоит в том, чтобы завоевать и удержать власть [Шейгал 2004: 35; Желтухина 2000: 30].

Дискурсивное поведение коммуникантов в процессе межличностного общения определяется выбранными ими стратегиями и тактиками, которые непосредственно связаны с системой ценностей адресанта, а также его целями, убеждениями, установками и интенциями. Стратегии определяются общим замыслом речевого сообщения, представлением говорящего о конечной цели взаимодействия, а тактики, или тактические ходы, представлены конкретными речевыми ходами, в своей совокупности служащими достижению цели [Формановская 2008: 111–112].

Актуализация интенций участников политической коммуникации в большей мере обусловлена их способностью своевременно ориентироваться в дискурсивном пространстве межличностного взаимодействия, умением адекватно реагировать и подстраиваться под постоянно меняющуюся коммуникативную ситуацию, а также заранее планировать и/или изменять, корректировать свои стратегии и речевые ходы для более эффективного достижения коммуникативной цели. Таким образом, выбор той или иной стратегии и реализующих ее тактик обу-

словлен когнитивно-коммуникативным опытом политических деятелей, их интенциями, прагматической установкой и мотивами.

Как и в любом другом виде дискурса, в политическом дискурсе участники коммуникации в процессе взаимодействия могут прибегать как к прямой, так и не прямой коммуникации с установкой на кооперативное и некооперативное сотрудничество [Gumperz 1982: 55–59; Gumperz, Levinson 1996: 230–235]. Непрямая коммуникация играет в политическом дискурсе важную роль, поскольку позволяет завуалировать истинные намерения коммуникантов, например, желание говорящего уйти от прямого ответа, уклониться от него, передать мысль посредством минимальных языковых и речевых затрат и др. Другими словами, когда говорить прямо не принято или не представляется возможным, в большинстве случаев коммуниканты прибегают к не прямой коммуникации, представляющей собой «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев 2000: 3].

Рассмотрим особенности реализации такой формы не прямой коммуникации, как стратегия уклонения от прямого ответа, в американском политическом дискурсе. Материалом для наблюдений послужило выступление представителя Госдепартамента США Неда Прайса, посвященное Украинскому кризису, с участием крупного американского журналиста, имеющего аккредитацию при Госдепартаменте США, Мэтта Ли [URL: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-february-3-2022/>, дата обращения: 24.02.2023]. Приведем один из ярких примеров стратегии уклонения от ответа.

Пресуппозиция: брифинг Госдепартамента для журналистов по вопросам Украинского кризиса, состоявшийся 3 февраля 2022 г.

Ситуация: представитель Госдепартамента Нед Прайс приписывает России планы по подготовке фейковых видео для того, чтобы оправдать свое запланированное вторжение на территорию Украины. Мэтт Ли, известный своими неудобными вопросами и скептической позицией в отношении американской пропаганды, просит предоставить доказательства.

Брифинг начинается с заявления Прайса о том, что США «серьезно озабочены» (*our strong concerns*) планами России сфабриковать видео о провокациях со стороны Украины (*to stage fabricated attacks by Ukrainian military or intelligence forces*), которое послу-

жило бы оправданием для развязывания военного конфликта. Двухминутное выступление политика, описывающее действия России, насыщено лексикой с семемами 1) «ложь» (дезинформация — *disinformation*, сфабрикованная операция с флагом — *a false flag operation*, сфабрикованные атаки — *fabricated attacks*, предлог для последующего вторжения — *a pretext for a further invasion*, пропагандистское видео — *a propaganda video*, ненастоящие взрывы — *false explosions*, образы разрушенных локаций, сфабрикованные русской разведкой — *images of destroyed locations, fabricated by Russian intelligence*, сфабрикованный предлог для начала военной агрессии — *a fake pretext to initiate ... military aggression*, дезинформационная кампания — *a disinformation campaign*), 2) «разрушение» (дестабилизирующие действия в отношении Украины — *destabilizing actions towards Ukraine*, опасная кампания — *a dangerous campaign*, военное нападение — *a military attack*, деструктивная и дестабилизирующая дезинформационная кампания — *a destructive and destabilizing disinformation campaign*).

Для описания действий США Прайс использует лексику с семой «урегулирование» (скрупулезно работаем вместе с нашими союзниками — *diligently work together with our allies*, призываем Россию прекратить — *urge Russia to stop*, снизить напряженность — *de-escalate tensions*, участвовать в дипломатических переговорах и диалоге — *engage in diplomacy and dialogue*, мирное решение — *a peaceful solution*). Таким образом, в вопросе борьбы за мир Россия и США представлены как антагонист и протагонист.

Мэтт Ли первым из журналистов начинает задавать вопросы. Выбрав для положенной по протоколу благодарности неформально-разговорную форму (*thanks*) и охарактеризовав выступление Прайса как «нагромождение слов» (*that's quite a mouthful there*), Ли выбирает неточную формулировку в заявлении Прайса о неких «подобных действиях» (*actions such as these*) и переходит к нападению, облеченному в форму пренебрежительно звучащего вопроса: «о каких действиях Вы вообще говорите?» (*What action are you talking about?*). Общий небрежный тон, наличие междометий (*okay, well*) свидетельствуют о сниженной степени вежливости и о выборе Мэттом Ли некооперативного типа коммуникативного взаимодействия.

В силу формата брифинга Прайс не может уклониться от интеракции и вынужден поддерживать общение, отвечая на неудобные вопросы, суть которых сводится к одному вопросу, а именно «какие доказательства

есть у говорящего в отношении сделанного заявления». Прайс реализует **стратегию уклонения от прямого ответа**, на протяжении пяти минут уклоняясь от представления требуемой информации.

Ведущими тактиками являются *тактика повторения сказанного* и *тактика затягивания ответа*, часто реализуемые одновременно. Повтор представлен следующими типами: воспроизведением тезисов собственного выступления с парафразом или без; дублирование своих собственных слов в рамках одного речевого хода.

– Частичное воспроизведение тезисов выступления без парафраза:

Мы располагаем информацией, свидетельствующей о том, что Россия уже вывела на позиции оперативную группу для проведения постановочной операции с флагом (we have information indicating Russia also has already pre-positioned a group of operatives to conduct a false flag operation (здесь и далее перевод наш. — В. К., М. Л., А. Р.)). Давая данный ответ, Прайс перебирает бумаги в поисках, как кажется, нужного ему фрагмента и название операции зачитывает с листа. Другие примеры воспроизводят отдельные слова и словосочетания, иллюстрирующие понятия «ложь» и «разрушение».

– Частичное воспроизведение тезисов выступления с парафразом:

Тот факт, что Россия продолжает участвовать в дезинформационной кампании...; они приступили к этой деятельности...; сфабриковать повод (The fact that Russia continues to engage in disinformation campaigns...; they have engaged in this activity...; fabricate a pretext...). В тексте выступления эта же мысль звучала как *'Russian disinformation to stage fabricated attacks by Ukrainian military or intelligence forces as a pretext'*.

– Эхопалическим дублированием своих собственных слов в рамках одного речевого хода:

Что мы знаем, Мэтт, так это то, что мы — что я только что сказал, что они приступили к этой деятельности, к этой планируемой деятельности...; но позвольте — позвольте — потому что, очевидно, это не первый раз...; ну, это суть идеи сдерживания, Мэтт. Это суть идеи сдерживания... (What we know, Matt, is what we — what I have just said, that they have engaged in...; this activity, in this planning activity...; But let me — let me — because obviously this is not — this is not the first time...; Well, that is the idea behind deterrence, Matt. That is the idea behind deterrence...). Данный тип повтора является самым распространенным в выступлении Прайса. Когда человек сбивается

с мысли, в силу того, что другой его перебивает, или в силу того, что у него в запасе есть определенный вариант описания ситуации и этот вариант уже исчерпан, говорящий «хватается» за свои слова, чтобы или вспомнить, что он хотел сказать, или выиграть время и сформулировать новый вариант мысли. Новый вариант нужен для того, чтобы формально заполнив коммуникативный слот ответной реплики, не предоставить ответ или предъявить форму ответа без содержания.

Диалог, в котором действия партнеров направлены не на согласование совместной деятельности, а на ее торможение, обращается в противоборство [Борботько 2019: 40], поэтому отсутствие кооперативной направленности, представленное полным или частичным отказом Прайса от предоставления запрашиваемой журналистом информации, при всем внешнем соблюдении интеракции, однозначно обнаруживает стратегию уклонения от прямого ответа. *Тактики повтора и затягивания ответа* являются сквозными и перемежаются с рядом других тактик.

Тактика обращения к предшествующему опыту:

...это не — это не первый раз, когда мы заявляем об этом публично. Вы помните, как всего лишь несколько недель назад <...> Мы говорили вам несколько недель назад, что... (...this is not — this is not the first time we've made these reports public. You'll remember that just a few weeks ago <...> We told you a few weeks ago that...). Не в силах убедить своего оппонента, политик привлекает количественную аргументацию (*this is not the first time, just a few weeks ago*) и пытается апеллировать к опыту в его памяти, так как опыт, который является «своим», труднее отвергать.

Тактика положительной самопрезентации:

Вы знаете, что когда мы рассекречиваем данные разведки, мы это делаем так... мы делаем это, помня о защите источников и методов (You know that when we declassify intelligence, we do so in a means ... we do so with an eye to protecting sources and methods)... Вы также знаете, что мы так поступаем — рассекречиваем информацию — только тогда, когда мы уверены в этой информации (You also know that we do so — we declassify information — only when we're confident in that information). Говоря о Госдепартаменте как о влиятельной и ответственной структуре, Нед Прайс имплицитно, что вся информация, поступающая от Госдепа, включая ту, которую в момент речи подвергает сомнению журналист, выверена и достоверна.

Тактика отсылки к авторитету в сочетании с тактикой сближения:

Мэтт, это взято из информации, которой располагает правительство США, это информация разведки, которую мы рассекретили (Matt, this is derived from information known to the U.S. Government, intelligence information that we have declassified). Обращение к журналисту по имени, служащее установлению и поддержанию контакта, имплицитно тезис «мы свои». Упоминание разведки имплицитно доказанность «данных» и косвенно призывает журналиста умерить недоверие к данным, предоставляемым столь солидной инстанцией.

Испробовав представленные выше тактики, направленные на демонстрацию нейтрально-положительного отношения говорящего, но не удовлетворившие журналиста, Прайс переходит к тактикам, явно нарушающим кооперацию.

Тактика пассивной агрессии:

Вы хотите, чтобы мы распечатали для Вас это заявление? (Would you like us to print out the topser?). Ответ вопросом на вопрос выдает неуверенную позицию отвечающего и отражает его попытку перейти из обороны в нападение, поставив журналиста в позицию отвечающего. Вежливая форма вопроса (*Would you like us...*) говорит о попытке скрыть агрессию, имитировать кооперативный тип коммуникации.

Тактика отсылки к авторитету в сочетании с тактикой скрытого обвинения:

Если у Вас есть сомнения — если у Вас есть сомнения в надежности правительства США, правительства Великобритании, правительств других стран... (If you doubt — if you doubt the credibility of the U.S. Government, of the British Government, of other governments). Не желая предъявлять факты или не располагая таковыми, Прайс пытается манипулятивно надавить на Мэтта Ли авторитетом правительств разных стран, подразумевая, что у них у всех единое мнение в отношении России как угрозы, и скрыто обвинить журналиста в нелояльности линии государства.

Тактика насмешки в сочетании с тактикой скрытого обвинения:

Если Вы хотите найти утешение в информации, которую выдают русские (if you <...> want to find solace in information that the Russians are putting out). «Утешительной» информацией в условиях конфликта, близкого к военному, назвать невозможно, и намек на сочувствие Ли русским подразумевает перевод журналиста из круга «своих» в круг «чужих», на которых можно нападать, поэтому Прайс выбирает форму насмешки.

Не имея возможности сменить тему, он пытается сменить модус интеракции, что также отражает общее намерение Прайса избежать следования курсу коммуникации, заданному журналистом.

Тактика извинения / сожаления:

Мэтт, мне жаль, если Вам не нравится формат..., мне жаль, если Вам не нравится содержание, мне жаль, что... Мне жаль, что информация, которой располагает правительство США, вызывает у Вас недоверие (Matt, I'm sorry you don't like the format, but we have —<...> I'm sorry you don't like the content. I'm sorry you — <...> I'm sorry you are doubting the information that is in the possession of the U.S. Government). Извинение, особенно многократное, отражает неуверенность говорящего, неустойчивость его позиции. Готовность Прайса сдать свою позицию, «просвечивающее» желание отступить позволяет предположить, что за словами о «данных разведки» не стоят реальные факты.

Тактика размывания и смены фокуса:

Что я говорю, так это то, что это та информация, которой мы располагаем. В свою очередь, мы делимся ею с вами для того, чтобы ... по ряду причин. Первая — постараться помешать русским продолжить эту деятельность. Вторая — в случае, если нам это не удастся, если русские продолжат, то разоблачить, с очевидностью показать, что Российская Федерация всегда стремилась создать повод (What I'm telling you is that this is information that's available to us. We are making it available to you in order — for a couple reasons. One is to attempt to deter the Russians from going ahead with this activity. Two, in the event we're not able to do that, in the event the Russians do go ahead with this, to make it clear as day, to lay bare the fact that this has always been an attempt on the part of the Russian Federation to fabricate a pretext). Мэтт Ли требует доказать планы России о вторжении, они для него не более чем «голословные заявления» Прайса (allegations). Ли не видит возможности говорить о поступках России, если они не доказаны. Другими словами, фантомное нечто не может быть темой/топиком обсуждения, и для Ли вопрос действий РФ остается коммуникативной ремой, требующей утверждения, подтверждения фактами. Прайс же, напротив, пытается придать действиям России модус реальности через сообщение фрагменту высказывания «действия России» коммуникативного статуса темы/топика. Он пропускает логический шаг предъявления доказательств и сразу переходит к реме своей мысли — объяснению того, как через заявление о планах России сфабриковать ви-

део о провокациях со стороны Украины Госдепартамент реализует политику «сдерживания» русских (*deter*) и «выведения их на чистую воду» (*lay bare*). Другими словами, нарочно меняя рематический статус «действий России» на тематический, Прайс смещает акцент обсуждения, т. е. размывает его фокус.

Тактика отступления / уступки в сочетании с тактикой дистанцирования:

Если Вы сомневаетесь в надежности данных правительства США ...это Ваше дело (If you doubt — if you doubt the credibility of the U.S. Government... that is for you to do). Испробовав множество тактик для отвлечения внимания, Прайс вновь апеллирует к авторитету Правительства (*credibility of the U.S. Government*), констатирует несоответствие позиции Правительства и позиции не доверяющего ей Ли и переходит к беседе с другим журналистом.

Политический дискурс — это институциональная, т. е. «статусно ориентированная» разновидность дискурса, сущностная характеристика которого состоит в том, что он определяется социальными ролями его участников [Карасик 2000: 5-20]. В американском обществе, где базовой ценностью признается демократия, журналист от лица народа требует ответ у правительства, которое декларируется как орган заботы о благосостоянии народа. Поэтому, следуя образу инстанции, подотчетной народу, избравшему ее, политик не может отказать в ответе, не может сразу прервать неудобное общение и вынужден демонстрировать дружелюбие и готовность к кооперативному взаимодействию. Дискурсивному поведению политика, эксплицирующему такие ценности, как «свобода» и «независимость» (украинского народа), и имплицитному такие ценности, как «демократия» (американского общества, в котором можно открыто задавать вопросы власти), «уважение» (свобод и границ другого, выраженное в общем нейтрально-доброжелательном тоне), журналист, требуя предоставить материальные факты, противопоставляет лишь одну ценность — «истину». Не желая или будучи неспособным удовлетворить этот запрос, Прайс избегает прямого ответа, чередуя различные тактики, неизменно придерживаясь, тем не менее, стратегии уклонения от прямого ответа, что отражает его основную коммуникативную установку — 1) сформировать/утвердить/укрепить представления о России как об агрессоре; 2) остаться на уровне заявлений и не предоставлять материальные доказательства.

По замечанию В. И. Карасика, дискурсивная личность может быть описана совокупностью бинарных противопоставлений,

характеризующих коммуникативную тональность — эмоционально-стилевой формат общения: серьезно или несерьезно, обиходно или ритуально, информативно или фасцинативно [Карасик 2015: 136]. По указанным параметрам Ли, реализуя серьезность, обиходность, информативность, демонстрирует устойчивость своей коммуникативной личности, тогда как Прайс, переключаясь с серьезного тона на несерьезный, с ритуального модуса на обиходный, с псевдоинформативного на фасцинативный (т. е. нацеленный на эмоциональное убеждение), обнаруживает неустойчивость своей коммуникативной личности. Данное наблюдение может косвенно свидетельствовать о наличии разных знаний у политика — тех, которые есть, и тех, которые можно или нужно предъявить общественности.

Как видим, речевой вклад говорящих разнонаправлен (адресант хочет получить информацию, адресат не хочет ее предоставлять). Чтобы прервать досаждающие реплики отказывающегося отступить журналиста, Прайс перебивает его и пытается обеспечить себе речевое доминирование, чтобы взять инициативу в свои руки. Таким образом, диалог характеризуется рассогласованием, противоборством, наглядно реализуя такую черту диалогического общения, которую Ш. Балли обозначил как «не просто „общение“, но борьба двух умов» [Балли 2009: 330]. Не в состоянии скрыть конфликт, но пытаясь его сгладить формальными ответами на вопросы, обращением по имени, Прайс пытается придать своему дискурсивному поведению форму кооперативного.

В заключение отметим, что дискурсивное поведение участников политической коммуникации на социально острую, неудобную для политика тему характеризуется высокой степенью сдержанности, так как в случае неосторожного комментария политик рискует навлечь резкую критику на себя лично или на власть, представителем которой он является, или даже спровоцировать социальный взрыв. Не имея выработанного и безопасного с точки зрения внутри- и внешнеполитических последствий ответа, политик вынужден выбирать стратегию уклонения от прямого ответа.

Сопоставление реплик журналиста Мэтта Ли и американских политиков обнаружило выбор некооперативного типа взаимодействия. Поведение журналиста эксплицитно некооперативно, тогда как политик придерживается псевдокооперативного типа.

В рассмотренном диалоге к актуализирующей стратегии уклонения от прямого ответа тактикам относятся тактики повтора,

затягивания ответа, сближения, апелляции к авторитету, обращения к предшествующему опыту, положительной самопрезентации, размывания и смены фокуса, извинения/сожаления, насмешки, пассивной агрессии, обвинения, дистанцирования, отступления.

Анализ параметров коммуникативной тональности, обнаруживающий неустойчивость коммуникативной личности Прайса, косвенно указывает на его неискренность как отдельного речевого субъекта в рассматриваемой коммуникативной ситуации или/и на стратегию искажения как выбранную практику информирования высшего политического эшелона США.

ИСТОЧНИКИ

1. Department Press Briefing – February 3, 2022 / US Department of State. — URL: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-february-3-2022> (date of access: 24.02.2023). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
3. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009. — 394 с. — Текст : непосредственный.
4. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. — Изд. стереотип. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. — 286 с. — Текст : непосредственный.
5. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. Т. 1 / Л. С. Выготский. — Москва : Педагогика, 1982. — 486 с. — Текст : непосредственный.
6. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2000. — 245 с. — Текст : непосредственный.
7. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века Русские и немецкие политики : моногр. / М. Р. Желтухина. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во В. Ф. МУПК, 2000. — 264 с. — Текст : непосредственный.
8. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5–20.
9. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2015. — 384 с. — Текст : непосредственный.
10. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с. — Текст : непосредственный.
11. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — Москва : Икар, 2007. — 480 с. — Текст : непосредственный.
12. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

13. Coseriu, E. Lenguaje y politica / E. Coseriu. — Text : unmediated // El lenguaje politico / ed. by M. Alvar. — Madrid : Instituto de Cooperacion Iberoamericana, 1987. — P. 9–31.

14. Gumperz, J. J. Discourse Strategies / John J. Gumperz. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1982. — 225 p. — Text : unmediated.

15. Rethinking Linguistic Relativity / ed. by J. J. Gumperz, S. C. Levinson. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1996. — [VIII], 488 p. — Text : unmediated.

16. Helgorsky, F. Norme et Histoire / F. Helgorsky. — Text : unmediated // Le français moderne. — 1982. — № 1. — P. 15–41.

17. Kristeva, J. Le langage, cet inconnu / J. Kristeva. — Paris : Ed. du Seuil, 1981. — 334 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. US Department of State (n.d.). *Department Press Briefing – February 3, 2022*. Retrieved Feb. 24, 2023, from <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-february-3-2022>

REFERENCES

2. Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In V. N. Yar-tseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (pp. 136–137). Moscow: Sov. entsiklopediya. (In Russ.)
3. Balli, Sh. (2009). *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM»/URSS, 394 p. (In Russ.)
4. Borbot'ko, V. G. (2019). *Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse formation: from psycholinguistics to linguosynergetics] (Stereo-type ed.). Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 286 p. (In Russ.)
5. Vygot'skiy, L. S. (1982). *Sobranie sochineniy* [Collected Works] (Vol. 1). Moscow: Pedagogika, 486 p. (In Russ.)
6. Dement'ev, V. V. (2000). *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov: Izd-vo GosUNT's «Kolledzh», 245 p. (In Russ.)
7. Zheltukhina, M. R. (2000). *Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa XX veka Russkie i nemetskie politiki* [Comic in the political discourse of the late XX century Russian and German politicians] [Monograph]. Moscow: In-t yazykoznaneya RAN ; Volgograd : Izd-vo V. F. MUPK, 264 p. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa [On types of discourse]. In *Yazykovaya lichnost': institucional'nyy i personal'nyy diskurs* (Collection of scientific papers, pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
9. Karasik, V. I. (2015). *Yazykovoje proyavlenie lichnosti* [Linguistic manifestation of personality]. Moscow: Gnozis, 384 p. (In Russ.)
10. Mikhaleva, O. L. (2009). *Politicheskiy diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political discourse: the specifics of manipulative influence]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 256 p. (In Russ.)
11. Formanovskaya, N. I. (2007). *Rechevoje vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow: Ikar, 480 p. (In Russ.)
12. Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 326 p. (In Russ.)
13. Coseriu, E. (1987). Lenguaje y politica. In M. Alvar (Ed.), *El lenguaje politico* (pp. 9–31). Madrid: Instituto de Cooperacion Iberoamericana.
14. Gumperz, J. J. (1982). *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 225 p.
15. Gumperz, J. J., & Levinson, S. C. (Ed.) (1996). *Rethinking Linguistic Relativity*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., [VIII], 488 p.
16. Helgorsky, F. (1982). Norme et Histoire. *Le français moderne*, 1, 15–41.
17. Kristeva, J. (1981). *Le langage, cet inconnu*. Paris: Ed. du Seuil, 334 p.